

В преддверии 70-летия Великого Октября мы попросили трех исполнителей роли В. И. Ленина в театре и кино поделиться своими мыслями о работе над великим образом. Сегодня на нашей полосе выступают:
Александр КАЛЯГИН,
Кирилл ЛАВРОВ,
Михаил УЛЬЯНОВ.

Так победим!

А. Калягин. Интересно, раньше кому-нибудь из вас приходила мысль — сыграть Ленина?

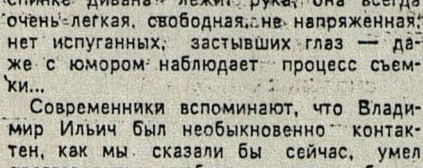
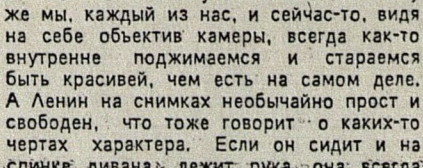
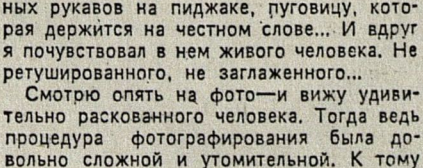
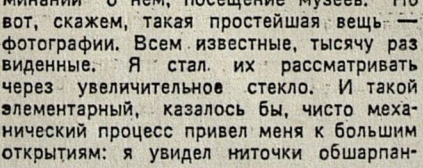
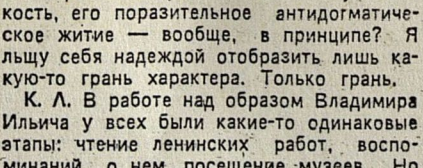
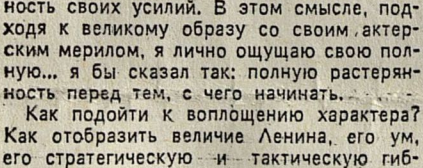
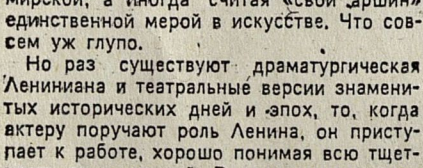
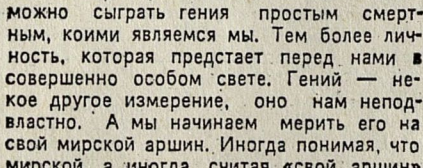
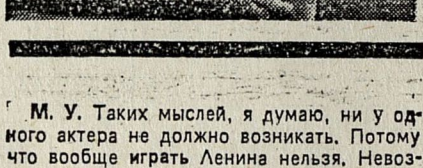
К. Лавров. Она возникла со стороны. Году в шестидесятом режиссер Анатолий Рыбаков, ныне покойный, ставил на «Мосфильме» картину «В начале века» — о первых годах революционной деятельности Ильича и пригласил меня на пробу. Гримировал Антон Исифович Анджан.

М. Ульянов. Знаменитый. Он еще со Щукиным работал.

К. Л. Да всех он гримировал... Анджан посадил меня в кресло, приложил бороду, усы, все в зале зашептались, заохали: «Пожож, поожож...» Я затрепетал весь: по-хож! Потом он сказал: «Теперь все уходи — буду работать». Часов шесть работал, и с каждой минутой становился все меньше и меньше похож. Конечно, не утверждали... В роли молодого Владимира Ильича тогда впервые снялся Юрий Каюров. И я подумал, что это для меня навсегда закрытая тема. Вот почему, когда Виктор Третьяков стал снимать «Доверие» и пригласил меня на пробу, я категорически отказался. Он долго уговаривал, наконец я сказал: хорошо, только пусть гример придет в театр, быстренько загримирует, фотограф щелкнет, и ты поймешь, что — бессмысленно. Так и сделали: приехал мальчик. «Как вас зовут?» — «Вадик». — «Вадик, имейте в виду: совершенно бесперспективное занятие. Давайте быстренько, раз я обещаю». Он так и сделал, еще кисточкой поведишь, чтоб парик не падал, надела первую попавшуюся кепку; фотограф щелкнул... А через неделю я получил телеграмму Госкино с красным грифом: поздравляю с утверждением на роль.

Для меня это оказалось полной неожиданностью, к роли Ленина я не считал себя готовым и дико перепугался. Большим подспорьем, правда, было то, что с темой я в какой-то мере познакомился еще до того в нашем спектакле на Малой сцене — «Защитник Ульянов», где я играл молодого Владимира Ильича.

Так что, возвращаясь к вопросу: о роли Ленина я, конечно, не мечтал.

ним откровенен, потому что не ощущал своей неполноценности рядом с такой огромной фигурой.

Это простое качество, присущее настоящему интеллигентному человеку, для меня было очень важно, и его, так сказать, документально засвидетельствовали те же фотографии.

А. К. Вы оба можете сыграть все, но, глядя на вас, вспоминаешь о театральном амплитуде «социальных героев». А я и выпускаться как комик, и играть комические роли. Роль Ленина — такого даже представить не могло. Больше того, когда во МХАТе зашел разговор о постановке пьесы Шатрова «Так победим!», я подумал: ну, там-то мне делать нечего, за время репетиции будет возможность сняться в фильме — я давно обещал. Потом все получилось случайно.

Я как-то стоял с приятелем на улице и «голосовал». Такси, понятно, нет. Вдруг останавливается машина, за рулем — Шатров. «Подвезите?» — «Если можно...» — «Подвезу, если вы сыграете Ленина в спектакле «Так победим!», я опешил... Думаю, глупая шутка — как на нее ответить? «Что вы, что вы, Михаил Филиппович...» А потом — начались длинные-длинные разговоры. Ефремов как-то пришел — долго говорил, потом зашел Смирновский — тоже очень долго, опять Шатров. Я долго отказывался. Во-первых, потому что не мог — по актерским данным. Во-вторых, боялся повториться — ведь были прекрасные исполнители: Щукин — один из моих любимых актеров, Штраух, Каюров... вы же оба... Думаю: никогда я не сыграю. И опыта в тактико-политических ролях нет — не на что даже опереться, не могу — ни лица, ничего... И, повторяю, не могу — ни лица, ничего... К. Л. А вы вот на своем примере можете стремиться к фотографическому подобию — гибкое дело. Невозможно добиться. Тем более что в таком случае не может быть и речи, чтобы что-то еще пытались изобразить на лице, играть что-то, потому что все залеплено, все чужое — только испуганные глаза торчат.

А. К. Но у меня — я говорю о себе — перед глазами стоял образ, созданный Щукиным: там-то Ромм добивался портретного сходства.

К. Л. Просто было более подходящее лицо. Но если откровенно, так он...

М. У. Тоже был не очень похож.

К. Л. Да никто фотографически точно не похож.

М. У. Больше всех — Каюров.

А. К. Он еще и пономуру сыграл.

К. Л. Что очень важно. Почему мне и кажется, что внешнее сходство — не главное. Если удается убедить, что Ильич мог быть и таким и люди поверят — значит, удача. Но зато тогда остается свобода маневра и возможность жить в образе, не обременяя себя тщетной надеждой добиться полного внешнего сходства. По-скольку и без того задача, которая вдруг встает перед тобой, давит до такой степени, что ты как актер лишаешься возможности свободно и самостоятельно мыслить и работать над ролью. Все время невольно перед глазами какой-то моментальный образ — в бронзе, мраморе, граните, и еще великие щукинские образцы дают. А это сразу убивает творческую инициативу. Напротив.

М. У. Мне кажется, что Щукин выступил в роли Ленина в первых своих подвигах — в «Человеке с ружьем» в театре и в «Ленине в Октябре» и в «Ленине в 1918 году» в кино — как великий актер. Он сыграл не столько, может быть, стратегию и тактику, не столько, может быть, вождя, сколько по-настоящему живого и обаятельного человека. Если приглядеться сейчас к работе Щукина, то мы увидим: в основном все построено на том, что он действительно живет всех живых, поразительно обаяния, демократизма и какой-то необыкновенной человеческой светлости. Борис Васильев сделал это грандиозно и вошел в историю как первый непревзойденный исполнитель роли Ленина. Беда в том, что последователи Щукина довели эту его линию до абсурда.

К. Л. В театральных и киноработах появилось отношение к Владимиру Ильичу как к божеству.

А. К. Что, кстати, культивировалось и всесильно поощрялось.

М. У. Появились какое-то мешанское умиление, облизывание со всех сторон, какая-то сентиментальность, банальность, которые были заключены в драматургии и очень часто в исполнении. Не уважали, а лезбились. И Ильич получился во многих спектаклях и фильмах человеком, мнимым во всех отношениях, что не имело ничего общего с реальным Лениным. С великим человеком, который перевернул Россию-матушку. Не мог возлагать революцию человек, приятный во всех отношениях. Ну, не мог! Доходило до абсурда: умилялись тому, что Ильич здоровался с людьми, и это выдавалось за верх демократизма. Хотя величество, она естественна для любого нормального человека, тем более для такого культурного и воспитанного в прекрасной демократической семье.

К. Л. Вот почему, вопреки такой традиции, в «Защитнике Ульянова» для меня было самым важным попытаться сыграть человека. Нормального. Не делая из него в житейском плане нечто сверхчеловеческое, не обожествляя. Представить его со своим характером, своими привычками, своим взглядом на вещи. То есть живым человеком.

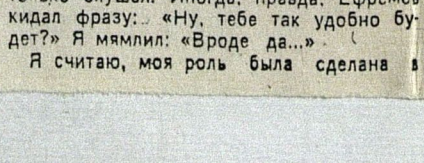
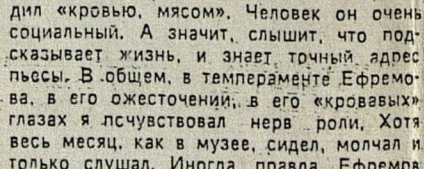
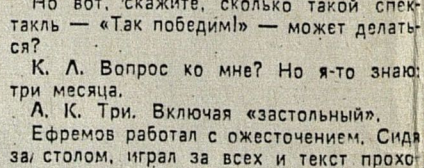
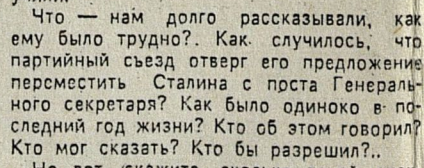
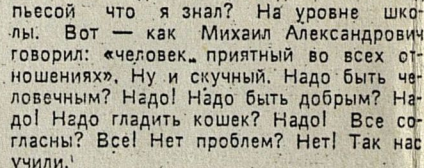
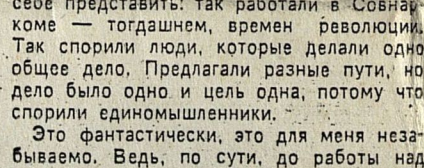
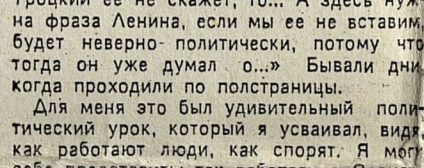
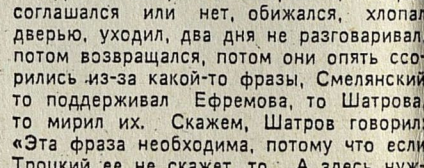
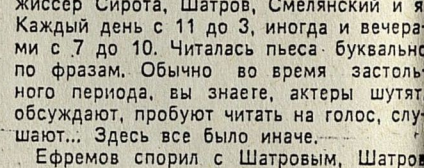
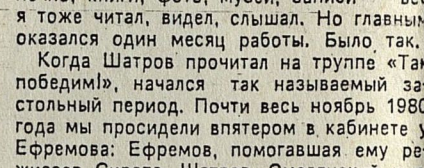
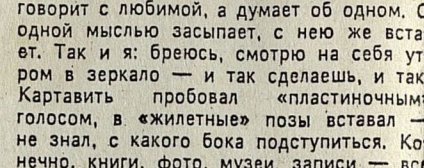
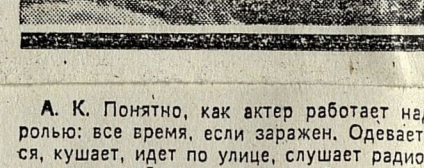
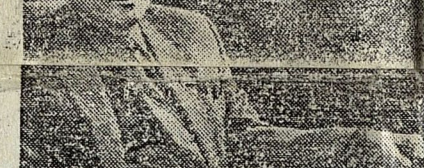
М. У. У меня было иначе. Ленин — это ведь история. Хотя он и живет всех живых, но существовал в определенных годах, в конкретный период нашей советской и мировой истории... Я бы разделил так: в каждой работе я пробую ставить себе какие-то конкретные задачи. Ну, скажем, «Человек с ружьем» в Театре Вахтангова — первая моя работа. Пьеса написана в определенные годы, и многого нельзя было сыграть. Тем не менее — о чем там речь? Об Октябрьской революции. Сейчас мы не можем себе представить, какого напряжения всех сил потребовала революция. И не мог Ленин, находясь в гуще Смольного, занятый сотнями неотложных дел, оставаться «просто обаятельным». Это был человек смертельно усталый, нацеленный

как нож. Таким я и попробовал его играть.

«Штрихи к портрету Ленина» — четыре телефильма по сценарию Михаила Шатрова. К сожалению, если судить по многим нашим произведениям, у Ленина на все случаи жизни были готовые ответы. Это другие сомневались, искали какие-то пути, а Ильич, мол, всегда знал верное решение. Отнюдь нет. И ему приходилось искать. То был мучительный процесс размышлений о новой социальной формации, доселе невиданной. Чудовищная жизнь человека, постоянно ищущего выход из ежеминутно возникающих непредвиденных, самых запутанных ситуаций, которых теория предусмотреть не могла; хорошо понимающего, что все сразу не получится. И т. д.

Поэтому в «Штрихах...» для нас главным было показать этот процесс поиска путей, дорог, верных решений — как угодно называть. Сам процесс поиска.

К. Л. В ВТО в 60-х годах собрали со всей страны актеров, игравших Ленина. В тот период к каждой дате выпускались спектакли, где обязательно должен был появиться Владимир Ильич. И играли его где угодно, то угодно и сколько угодно. Многие и в ВТО копировали походку Ленина, его речь, картали. Человек триста съехались. И, говорят, председательствующий сказал, оглядев зал: «А Гамлет не в каждом театре есть...»

этот месяц. Но помогло и еще одно: мне довелось прочитать книги тех, кто не принимал советскую систему. И когда после этого я перечитывал ленинские сочинения, то знал, «куда» вкладывать текст, — точный адрес знал. Эти книги включились в работу над образом и убедили меня в правоте слов Ленина.

После роли я стал, как сам заметил, агрессивным.

К. Л. То есть?

А. К. Как всем, мне приходится много ездить по стране, много видеть — и хорошего, и плохого. Когда натыкаешься на плохое, вспоминаешь, что по сходимым поводам говорил Ленин, и... «накаляешься».

К. Л. А это всем знакомо.

М. У. Паразитный был человек — может быть, один из самых гибких и реалистично мыслящих во всей истории. Но парадокс заключается в том, что его по-настоящему почему-то стали страшными догматиками. Страшными, несравнимыми. И сейчас мы любим из-за этого догматизма полной мерой — и в экономике, и в культуре, и в морально-нравственной сфере, и во всем прочем. Ленин спрашивал: как можно из-за обрывков книжки забыть действительность? Горький писал, что Ленин любил людей, а не идеи, что ломал и гнул идеи, когда этого требовали интересы народа. А вот поди же ты — забывается...

Мы сейчас работаем над «Брестским миром» того же Шатрова. Ставит Роберт Струва, режиссер очень интересный, удивительно чувствующий пластически выразительную силу театра. История Брестского мира — мучительный и страшный сюжет в жизни Ленина. Момент, когда обстоятельства оказались сильнее личных установок, когда надо было подчиниться обстоятельствам и принять гнусный, позорный мир, а не шествовать напролом, как бык, за догмой. То был трагический момент в жизни России — в пьесе Ленин прямо говорит: не заключаем мир — теряем революцию. То есть — все. Вот как стоял вопрос: жизнь или смерть.

Паразитная гибкость Ленина. Он говорил Бухарину: по-вашему, получается, что если революционная партия пошла на компромисс, то она перестает быть революционной. И речь в спектакле идет даже не столько о Брестском мире, сколько о творческом, гибком подходе к действительности. Вот что современно — на этом мы сейчас тоже очень скопимся. Есть ведь такие, кто не может оторваться от веревочки, за которую держались 70 лет. От веревки. Хотя жизнь гораздо разнообразнее, чем любая догма.

И сегодня надо быть не столько верным неким окаменевшим воззрением, сколько умным. Не столько «железобетонным», сколько разумно понимающим, к чему мы пришли и что происходит.

Вот так — почти через 70 лет вспоминается один из заветов Ильича: «Поблизже к жизни».

К. Л. Он действительно обладал этим потрясающим качеством — никогда не жил в плену догм. Была огромная внутренняя свобода маневра. Когда он, почувствовав, что жизнь гнет какую-то теорию, мог отказаться от нее. Брестский мир, замена продразверстки продналогом, из-за этого три примера, а их тысяча.

Другое. Когда один из руководящих работников Архангельска назвал «нелепым» распоряжение центральной Советской власти, Ленин по телефону объявил ему выговор и добавил: если мы учим дисциплину рабочих и крестьян, то обязаны научить самих себя.

М. У. О том же не раз говорил Горбачев. Но хотим мы того или нет, а история такая: секретарь райкома, горкома, обкома...

К. Л. Вне критики.

М. У. Вне критики. Много ли критических материалов в местных газетах? Ты же знаешь — с тульским носом. Уласси бже в местной печати подвергались местное начальство. Его или кто и критикуют, то, как правило, центральная печать. Это мы здесь пугаемся, защищаемся взаимными обвинениями и т. д. А там — ничны.

К. Л. Это постепенно уходит, но еле-еле, медленно, черепающим шагом, со скрипом.

К. Л. Тормоза скрипят...

А. К. Порой, верно, слова поперек нельзя сказать: сразу истолковывается как нечто, подырающее основы.

А. К. Ленин, между прочим, писал: надо не видеть «интригу» в инкомиссиях, а видеть самостоятельных людей.

М. У. Кстати, о самостоятельных людях. Вы об «архангельском мужике» Сивкове слышали?

А. К. Недавно «Известия» опубликовали письмо профессора Федорова в его защиту и ответ первого секретаря обкома партии...

М. У. Телеграмма. Вот — об ответе. Там Сивков, работавший на семейном подходе, дает мне дешевле всех в районе, но я не буду касаться существа дела, я его не знаю. Скажу о форме. О тоне ответа партийного руководителя всемирно известному ученому. В самом начале Телевизор обращает внимание на «какой-то обидный тон письма» Федорова. А что пишет сам? «Не шиком ли, профессор? Почему, скажите, пожалуйста, вы, высокомерно возносясь над всеми и всем, вульгарно-возмущительным тоном, без стеснения поносите работников...» И т. д. А в последнем абзаце есть такая фраза: «Мы вам прощаем».

Там еще редакционные примечания любезности: оказывается, первая надпись о Сивкове появилась два года назад, но об этом и обисполкомом официального ответа в «Известиях» так и не писали. Допускаю, что профессор Федоров в чем-то не прав, даже во многом. Но я прочитал и подумал: мог бы Ильич в подобном тоне ответить? Да никогда!

К. Л. А я вспоминаю о том, что в последние два года нас настойчиво призвали овладеть культурой дискуссии, уважительнее относиться даже к крайним точкам зрения, корректно вести прения...

Вот я и подумал: а часто ли наши секретари — обкомов, горкомов, райкомов — остаются в меньшинстве по тем или иным вопросам?

М. У. Я вам и других скажу. Год уже существует Союз театральных деятелей России, многие пытаемся мы сделать — и часто натыкаемся на глухую стену. Все более уверенно звучат чиновничьи голоса: «Не смеет соваться!», «Без вас разберемся!».

Я уже об этом говорил, поэтому повторяю. Конфликт в драмтеатре в Новгороде. Поехали мы туда с Олегом Ефремовым, поговорили, договорились, уехали — местные органы сделали все наоборот. Не потому, что не понимают, — нет, они именно хотят подчеркнуть: не суй...

Вот я и подумал: а часто ли наши секретари — обкомов, горкомов, райкомов — остаются в меньшинстве по тем или иным вопросам?

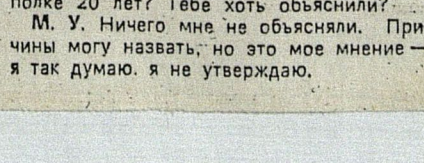
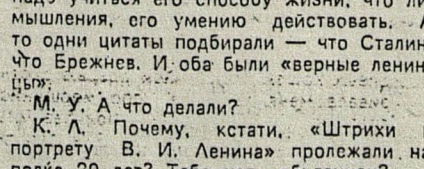
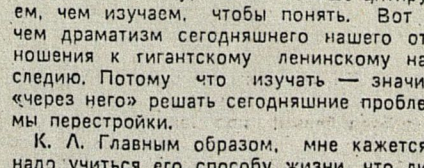
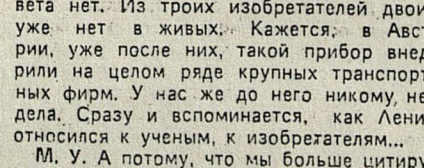
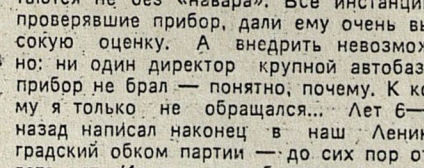
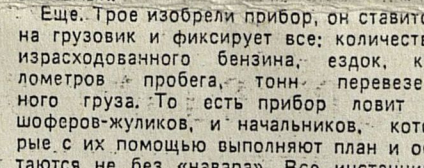
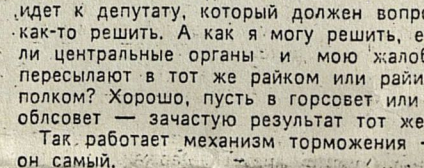
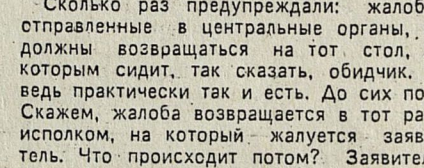
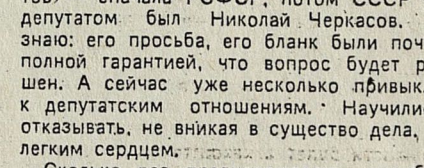
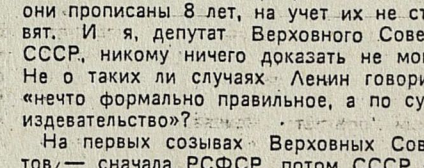
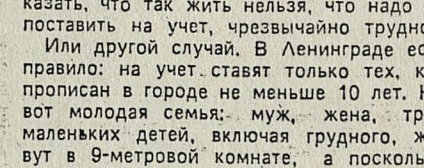
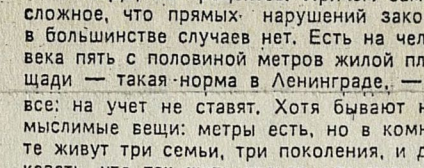
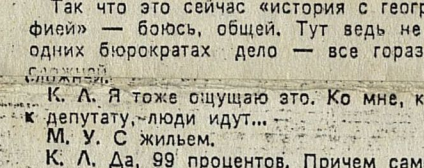
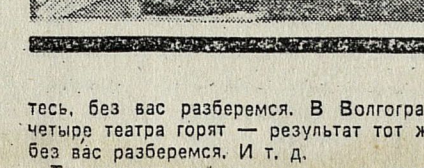
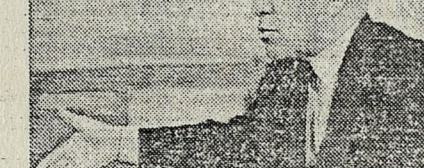
М. У. Я вам и других скажу. Год уже существует Союз театральных деятелей России, многие пытаемся мы сделать — и часто натыкаемся на глухую стену. Все более уверенно звучат чиновничьи голоса: «Не смеет соваться!», «Без вас разберемся!».

Я уже об этом говорил, поэтому повторяю. Конфликт в драмтеатре в Новгороде. Поехали мы туда с Олегом Ефремовым, поговорили, договорились, уехали — местные органы сделали все наоборот. Не потому, что не понимают, — нет, они именно хотят подчеркнуть: не суй...

Вот я и подумал: а часто ли наши секретари — обкомов, горкомов, райкомов — остаются в меньшинстве по тем или иным вопросам?

М. У. Я вам и других скажу. Год уже существует Союз театральных деятелей России, многие пытаемся мы сделать — и часто натыкаемся на глухую стену. Все более уверенно звучат чиновничьи голоса: «Не смеет соваться!», «Без вас разберемся!».

Я уже об этом говорил, поэтому повторяю. Конфликт в драмтеатре в Новгороде. Поехали мы туда с Олегом Ефремовым, поговорили, договорились, уехали — местные органы сделали все наоборот. Не потому, что не понимают, — нет, они именно хотят подчеркнуть: не суй...

Шатров написал ведь документальные вещи — ленинские слова, известные исторические сюжеты. Но вот до чего мы докатились: даже слова Ленина и позиция Ленина стали казаться опасными. Он стал мешать нам жить «по-нашенски» — тихо, спокойно. Болотистый. Не ругаться... Так вот, первый фильм. «Поименное голосование» — о Брестском мире: Ленин в одиночестве, спорит с Бухариным, заявляет о возможности выхода из ЦК. «Да вы что! Да как можно!».

«Полтора часа в кабинете Ленина». Убит Мирбах, выступают левые эсеры, Ленин мечется, ищет решения. «Как это — Ленин не знает решения? Да у него на все случаи жизни готово решение!».

А «Воздух Совнаркома» вообще попал в десятку. Там известный эпизод — первая прогулка Ленина после ранения, когда его сносили, чтоб рабочие знали, что Ильич жив. Чистая история. Известно, что Ленин был категорически против празднования своего 50-летия. И в картине активно выступает против юбилея — работать надо. А ты же знаешь, что за время было — юбилей оказался главным из задач каждого дня, мы все время что-то сплавляли, кого-то поздравляли, кого-то награждали. Естественно, эта ленинская позиция оказалась «поперек» тем, кто пользовался властью и устраивал себе всякие «семейные» радости.

Наконец, «Коммуна ВХУТЕМАС». То же историческое факт. Ленин поехал навещать дочь Инессу Арманд, состоялся разговор со студентами о литературе и искусстве. Ленин сказал, между прочим, что на поклонник Марковского; впрочем, Анатолий Васильевич лучше его знает... «Как это — Ленин не учит, что такое искусство?».

Ну, все было «поперек» того времени. И вот результат: 20 лет лежали на полке картины. Ленинские!

Сейчас задают вопросы: кто допустил, кто виноват? Да кто — время.

А. К. У времени всегда есть фамилия, имена, отчества и должности. В то время тоже были люди...

М. У. Были. Шатров и другие не соглашались переделывать картины. Их имена известны. И другие имена тоже не секрет — кто говорил?

К. Л. Кто ты хочешь, если и сами произведения Ленина было очень трудно достать: чтобы почтить, тома его первого собрания сочинений, надо было не знаю какой иметь бласт. Но я достал...

М. У. Пожалуй, это «Так победим». Ты же знаешь, с каким мучительством проходил спектакль.

К. Л. Ну, Сауш это знает лучше, только он молчит...

А. К. Слушаю... А проходил «с мучительством», верно. Вначале Ефремову закрепили назначать меня на роль: «Тетка Чарльз играет Ленина! Да вы что? Лавров будет приезжать из Ленинграда...» Ефремов все же убедил. Вообще, это было удивительное время — все театр был заражен, я никогда не видел такого подъема. Одна цель, единое дыхание. Ефремов понимал всю сложность прохождения пьесы и хотел убедить готовым спектаклем. Но все же получили мы и рецензию ИМЛ — страниц на 30. Жуткую, разгромную. Полвека назад после такой рецензии... Написал пьесу коммунист Шатров, ставит коммунист Ефремов, заводит — коммунист Смирновский. И всем «шуют политику».

Мы продолжали работать. По моему, 16 февраля 1981-го состоялся первый прогон: в 8 вечера начали, где-то в первом часу ночи кончили, с остановкой. На другой день сдали худсовету, а через неделю открылся XXVI съезд партии. Надо было сдавать спектакль Министерству культуры СССР. «Придите, посмотрите». Никто не пришел.

Из ЦК звонили Ефремову, состоялся очень тяжелый разговор. Ефремов категорически запретил репетировать, на это он кричал: «Как я буду смотреть в глаза молодежи из школы-студии? Мы псдыраем у них веру!».

Запретили репетировать, продолжайте работу. «Ну, хоть придите, посмотрите!» Опять никто не пришел.

Премьеру разрешили только в конце года, 19 декабря...

На этом спектакле я приобрел удивительное умение — различать публику. Ее интеллектуальный уровень, образовательный, социальный, знание материала. Я могу сыграть первый акт и уже точно сказать, кто сидит в зале — по реакции на кульминации, на смешные реплики, на паузы. Бывает и совсем другое, с чем я столкнулся впервые.

Случается, играешь, словно в вату, — публика не принимает. Но были спектакли, когда я чувствовал: зритель меня не навидит за текст, который я произношу. Он словно выталкивает меня со сцены. Эта пауза, которая повисает в зале, эти токи... Зрители ведь разные. Одни поражены — впервые слышат какие-то вещи. Другие возмущены — как допустили, чтобы со сцены... Чаше в зале люди, которые любят Ленина, и понимают его, и страдают вместе с ним, и плачут... Но не навести зала я не ощущал ни в одной роли. Это потрясающее ощущение...

М. У. У нас такого не было. На «Человеке с ружьем» никакой ненависти не было. А реакция зрительского зала была в том, что «Штрихи...» 20 лет лежали на полке. Дело давнее. Но парадокс заключается в том, что я репетировал сейчас «Брестский мир» и поблагодарил. Вот проклятье: сидит в нас...

К. Л. Внутренний редактор.

М. У. Мягко говоря. А прощ говоря, страх сидит: Ленина вроде бы так никогда не показывали. Мы говорим «человечный, человеческий», а ведь его человеческих проявлений, по существу, в картинах нет. Все сводится в основном к одному: «Надя, налей чаю!» Это единственное, что ему позволяет автору: чаю выпить. А ведь был он человек — живой, всякий. Мы обожествляем его в наших исполнениях и вытесняем из этих тенет ой, как трудно.

К. Л. У нас в БДТ Георгий Александрович Товстоногов поставил «На днях, К 70-летию Октября» тоже был разговоры — попушта, полусерьез. «Что это вы решили «На днях» ставить? Это что же значит — мы на дня находимся к 70-летию?» Ходили такие слухи. Видно, крепко еще сидят рудименты прошлой психологии...

12 октября состоялся премьера, присутствовал Горбачев. А по окончании спектакля Михаил Сергеевич пришел за кулисы и первое, что сказал: «Дорогие товарищи, огромное мне спасибо за прекрасный подарок к 70-летию Октября! Это замечательная классическая драматургия, прекрасное исполнение — великолепный образец настоящего театрального искусства».

Так что мы не боялись — и ты не бойся...

Запись диалога и фото Григория ЦИТРИНКА